

В. М. Панеях
С.-Петербург, Россия

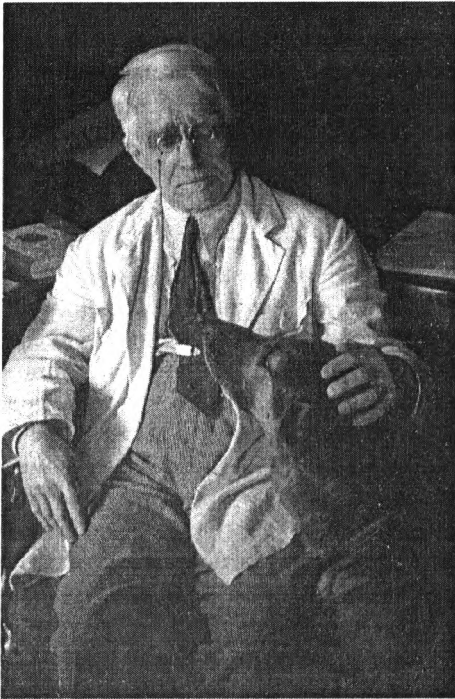
Борис Александрович Романов*

Жизненный и творческий путь Бориса Александровича Романова во многих отношениях типичен для историков его поколения и той социальной среды, в которой он формировался как человек и ученый, но и уникален, ибо неповторим каждый человек, тем более крупный ученый.

Конечно, ни отец Б. А. Романова, Александр Дементьевич, профессор Института инженеров путей сообщения, ни его мать, Мария Васильевна, школьный врач, не могли предположить, что им и их детям придется пережить три революции, последняя из которых круто изменит все общественные отношения в стране и казавшийся устойчивым жизненный уклад, а их младший сын Борис подвергнется репрессиям и гонениям, проведет несколько лет в следственной тюрьме и концентрационном лагере, будет безработным, а закончит свой жизненный путь известным ученым, доктором наук, профессором.

Среднее образование Борис Романов получил в Петербургской гимназии «Человеколюбивого общества». Уже здесь у него зарождается тот подход, который, впоследствии развившись, становится одним из принципов его профессиональной работы. «Еще учась по учебнику Виппера в школе, — вспоминал Романов, — я приучал себя, что-нибудь изучая, оглядывать пошире весь горизонт в поисках откликов, сопоставлений и перекликаний» [24]. Здесь же впервые проявилась и его общественная активность. Бурные события 1905–1906 гг. коснулись и средних учебных заведений Петербурга. В гимназии «Человеколюбивого общества», как и в других школах, образовался совет старост для руководства ученическим общественным движением; в этот совет вошел и ученик выпускного класса Борис Романов. Совет старост руководил забастовкой гимназистов, приветствовал введение педагогическим советом автономии («с глубоким приветствием товарищам педагогам за их смелое и решительное вступление в борьбу с отживающим режимом») и осудил его вскоре за отмену этой автономии («враждебное отношение» к этим же педагогам) [3: 8].

* Печатается с изменениями по: Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 179–194.

Б. А. Романов. 1948 г.

Закончив в 1906 г. гимназию, Романов поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, вот тогда, по его словам, и наступила «настоящая жизнь». Теплое, благодарное чувство к своей alma mater сохранилось у Романа на все последующие годы. Петербургский университет оказал большое, если не решающее, влияние на его формирование как историка.

Новая общественная атмосфера, порожденная революционной бурей 1905–1906 гг., сделала время пребывания Романа и его сверстников в университете «самым блестящим периодом во всей почти вековой его дореволюционной истории» [3: 8]. Летом

1906 г. была восстановлена автономия Петербургского университета, включая избрание ректора и проректора Советом университета, а деканов — факультетами. Одновременно изменялась и система прохождения университетского образования. Если до того существовала так называемая курсовая система, возрожденная в послеоктябрьский период и господствующая поныне, то теперь взамен ее была введена предметная система. Факультет устанавливал лишь обязательный перечень дисциплин, которые необходимо было сдать в любой срок и в любой последовательности. Кроме того, студент должен был сдать зачеты по просеминарию и трем, по выбору, семинариям. Срок пребывания в университете не устанавливался, необязательным было и посещение лекций. По выполнении всех этих требований студент получал выпускное свидетельство (Романов его получил в 1911 г.), дающее право сдавать государственные экзамены через любое число лет. Романов их сдал через год — в 1912 г.

Б. А. Романов, по его словам, получил возможность «творить свою жизнь, утверждать свое существование в мельчайших его подробностях». Немудрено, что в этих условиях его «жизненная мускулатура» развивалась «свободно и здорово» [43: 182].

Конечно же, одна только система прохождения университетского курса, сколь впечатляющей она ни была, оказалась бы бесплодной, если бы на историко-филологическом факультете к этому времени не сложился уникальный коллектив преподавателей. Романов всегда выделял тех из них, у которых он непосредственно учился: специалисты по истории средневековой Руси — А. Е. Пресняков (его Романов считал своим учителем, и впоследствии они настолько сблизились, что между ними установились дружеские, очень теплые личные отношения), С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский, а также профессора по средневековой истории Западной Европы И. М. Гревс и по античной истории Э. Д. Гримм.

Все они принадлежали к петербургской школе историков, формировавшейся на протяжении второй половины XIX в. и получившей наиболее полное воплощение в коллективе петербургского университета, сложившемся после революции 1905 г. как раз в то время, когда Романов проходил там курс наук [6]. По определению А. Е. Преснякова, характерной чертой этой школы являлся «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции», в восстановлении прав источника и факта, получающих более полное и существенное значение вне подчинения их подбора, анализа и построения какой-либо заранее установленной схеме, вне социологического догматизма, вредящего критическому отношению к источникам [38: 6; 39: 6]. Петербургская школа противопоставлялась Пресняковым московской, по природе своей идеологической, схематизирующей, у которой «материал, почерпываемый из первоисточников, не играл подобающей ему существенной роли» [39: 6]. Дело также заключалось в различном, как справедливо было недавно отмечено, «отношении историков к письменному памятнику и источнику и тех корнях исследовательской методики, которую можно обозначить как культуру исследования». При этом тщательно документированное изложение трудов петербуржцев, «где слово “не от источника” расценивалось как слово от лукавого», противостояло намеренному затушевыванию москвичами-историками, особенно В. О. Ключевским, «огромной предварительной работы над источником». Художественно-историче-

ский синтез москвичей противопоставлялся результатам скрупулезного документального анализа петербуржцев [65].

Но и внутри петербургской школы существовало два направления, наиболее яркими их представителями были С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский. Если для Платонова и его учеников характерен более синтетический «художественный» подход к задачам и методам исторического познания, то Лаппо-Данилевский и его ученики стремились выработать строгий научный метод исторического исследования [5: 115].

Романов высоко ценил оба эти направления петербургской школы историков и старался, проходя курс университетских наук, воспринять их лучшие черты. Поэтому он считал для себя необходимым посещать семинарии и Платонова, и Лаппо-Данилевского, не говоря уже о семинарии Преснякова.

По личным склонностям, врожденной интуитивности натуры, образному мышлению Романов, безусловно, примыкал к направлению, которое возглавлял Платонов. Они были довольно близки до начала 20-х годов. И все же не Платонова, а его ученика Преснякова Романов избрал в свои непосредственные научные руководители. Здесь сыграло роль не только обаяние личности Преснякова, но и совпадение их мировоззренческих установок, новаторство молодого приват-доцента Петербургского университета, всегда импонировавшее Романову, наконец, строгость, но не формальность, как у Лаппо-Данилевского, источниковедческой методике.

Из семинария Преснякова вышла первая научная работа Романова — «Смердый конь и смерд: в летописи и Русской Правде», опубликованная в академическом издании, руководимом академиком А. А. Шахматовым [42]. Скорость, с которой статья была напечатана — доклад на эту тему прочитан в семинарии в год ее опубликования — свидетельствует о том, сколь высокую оценку она получила у взыскательного и маститого редактора.

Уже в первом научном труде студента Романова проглядывают некоторые принципы, ставшие впоследствии элементами его научного кредо: стремление к новаторству; интуиция, за которой следует строгая источниковедческая проверка; стройная логика аргументов; фантазия, позволявшая сопрягать и сопоставлять отдаленные на первый взгляд источники, факты и явления; осторожность в выводах, кажущихся на первый взгляд окончательными, сочетающаяся со смелостью гипотез и предположений; психологический подход при характеристике людских побуждений; художественная образность.

Первая научная работа Романова, сыграв большую роль в жизни автора, не распахнула перед ним двери в науку. Ученик Преснякова, а не возглавлявшего кафедру Платонова, Б. А. Романов, хотя и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, но без стипендии. Между тем обстоятельства вынуждали начать трудовую жизнь в качестве учителя женских гимназий. Сдача магистерских экзаменов и защита диссертации так и не состоялась.

Романов в это время усиленно писал статьи для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона и «Русской энциклопедии» издательства «Деятель». Одна из таких статей, «Иоанн IV Грозный», вызвала некоторый резонанс. И все же это было около науки, а не в науке.

Октябрьский переворот 1917 г. резко изменил не только жизненный уклад Романова, но и служебную карьеру, а вместе с тем и направление его научного творчества.

Новые власти стремились поставить науку на службу пропаганде, направленной против царизма. Средством такой политики стало открытие архивов государственных учреждений России XIX – начала XX в., прежде закрытых для исследователей. Привлечение для работы в этих архивах историков, получивших солидную источниковедческую подготовку в дореволюционных университетах, даже тех из них, кто, возможно, относился враждебно к большевикам, тоже служило этой прагматической цели. Ибо объективное исследование внутренней и внешней политики последних российских царей неизбежно приводило к выводу о непреодолимом кризисе самодержавия.

Б. А. Романов оказался среди тех молодых историков, которые с энтузиазмом пошли работать в архивное ведомство, привлеченные туда их университетскими учителями, в частности Платоновым, руководившим одним из петроградских архивных учреждений, и Пресняковым, получившим пост главного инспектора. Так Романов в середине 1918 г. был прикомандирован к Главному управлению архивным делом, к тому его отделению, где были сосредоточены архивы министерств финансов, промышленности и торговли. Романов, как он писал С. Ф. Платонову, пришел в архив, охваченный «блестящей мыслью о постановке архивного дела на научную и деловую почву». Он и его университетские друзья были воодушевлены научной задачей «архивного возрождения», особенно тем, что «собственными руками и по своему плану из пустого места» «через хаос» будет создан «космос от А до Ижицы». Кроме того, они ощущали, и это усиливало их энтузиазм, что они вьют гнездо «для себя и собственной научной работы» [3: 17].